

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882.09-1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-67-71

ОБРАЗ КИТАЯ В ТРАВЕЛОГЕ Ю. ГАЛИЧА «ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИ. СКИТАНИЯ»

© Антон Афанасьев, Чжу Синьжун

THE IMAGE OF CHINA IN YURI GALICH'S TRAVELOGUES "GOLDEN SHIPS. WANDERINGS"

Anton Afanasev, Zhu Xinrong

This article studies the ways of constructing the image of China in the travelogue "The Golden Ship. Wanderings" (1927) by Yuri Galich. Structurally, the study consists of two parts. Proceeding from the theory of imagology and using the historical and literary methods, we conducted an overview analysis of the formation and evolution of the image of China in Russian literature and culture of the 15th–19th centuries. The study shows that under the influence of national ideology and public collective consciousness, the image of China in Russian travelogue literature was constantly developing and changing, different writers showing its qualities from different points of view in their works. The second part examines in detail Yuri Galich's travelogue "The Golden Ship. Wanderings" and interprets the image system and cultural values of China rooted in Russian cultural tradition, exploring the spiritual essence of the image of China in Russian travelogue literature and the cultural identity embedded in it. In order to clarify Yuri Galich's writing strategy, his work is compared with another travelogue of this time, B. Pilnyak's "China Story". Yuri Galich portrays a relatively objective and realistic image of China in an affable manner, while his disapproving attitude towards Chinese art reflects a strong sense of his own cultural confidence. In contrast, B. Pilnyak's image of China is completely negative, reflecting the influence of European thought in portraying foreign countries.

Keywords: Russian literature of the 1920s, image of China, G. Goncharenko (Yuri Galich), "Golden Ship. Wanderings", B. Pilnyak, "Chinese Story"

Данная статья посвящена изучению способов конструирования образа Китая в травелоге «Золотой корабль. Скитания» (1927) Юрия Галича. Структурно исследование состоит из двух частей. Исходя из теории имагологии и используя историко-литературный метод, авторы делают обзорный анализ формирования и эволюции образа Китая в русской литературе и культуре XV–XIX вв. Исследование показало, что под влиянием национальной идеологии и общественного коллективного сознания образ Китая в русской травелогической литературе постоянно развивался и изменялся, и разные писатели в своих произведениях показывали его качества с разных точек зрения. Во второй части подробно рассматривается травелог Юрия Галича «Золотой корабль. Скитания» и интерпретируется образная система и культурные ценности Китая, укорененные в русской культурной традиции, исследуется духовная сущность образа Китая в русской травелогической литературе и заложенная в нем культурная идентичность. Для прояснения писательской стратегии Юрия Галича его произведение было сопоставлено с еще одним травелогом этого времени – «Китайской повестью» Б. Пильняка. Юрий Галич изображает относительно объективный и реалистичный образ Китая в приветливой манере, а его неодобрительное отношение к китайскому искусству отражает сильное чувство собственной культурной уверенности. В противовес образ Китая у Б. Пильняка полностью негативен, что отражает влияние европейской мысли при изображении чужих стран.

Ключевые слова: русская литература 1920-х гг., китайский текст, Г. И. Гончаренко (Юрий Галич), «Золотой корабль. Скитания», Б. А. Пильняк, «Китайская повесть»

Для цитирования: Афанасьев А., Чжу Синьжун. Образ Китая в травелогe Ю. Галича «Золотые корабли. Скитания» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 1 (75). С. 67–71. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-67-71

Китай и Россия имеют давнюю историю взаимодействия, начавшуюся в монголо-юаньский период в Китае, когда в первой половине XIII в. Чингисхан и его потомки прошли через всю Европу и Азию и создали огромную Монгольскую империю, в состав которой вошла и часть территории современной России. Хотя отношения между Золотой Ордой, к которой относилась эта часть, и китайским правительством династии Юань отличались от государственных в современном понимании этого слова, Золотая Орда также дала России первое представление о Востоке.

В XV в. тверской купец Афанасий Никитин написал «Хождение за три моря» в форме путевых записей, в котором подробно описал достопримечательности и обычаи городов, посещенных им во время путешествия по Индии в 1468–1475 гг., и в котором он упоминает о существовании Китая. В XVI в., с образованием единого русского государства с центром в Москве, Россия ускорила темпы внешней экспансии и активно осваивала путь на Восток. Со второй половины XVI в. европейские миссионеры, проникшие в Китай, открыли эпоху перевода и изучения китайской культуры, и образ Китая на Западе начал выходить из своего первоначального мифологического состояния. Поэтому русские знания о Китае в этот период черпались в основном из этих иностранных источников, таких как «Книга о разнообразии мира» и «Путешествие Марко Поло», рассказанные знаменитым итальянским купцом.

В XVII в. Россия начала предпринимать усилия по открытию сухопутного пути в Китай, отправляя туда свои миссии. Посланники в Китай описывали дальность и трудность пути, чудесные достопримечательности китайской столицы Пекина за Великой стеной, сложные ритуалы китайского двора, а также привозили китайские документы, которые в то время были неизвестны в России. Первый русский посланник в Китае Иван Петлин отправился в Пекин в 1618 г. По возвращении он подарил царю документ «Роспись Китайскому государству, и Любинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам», кратко повествующий о том, что они видели во время своего путешествия. В 1675 г. Николай Гаврилович Спафарий был назначен русским министром и возглавлял русское посольство в Китае. Он написал «Путевой дневник» и «статейный список»,

которые признаны «как первые в России подробные и точные для своего времени описания Китая» [1, с. 18]. В тексте описания он представил Китай с разных сторон: география, экономический уровень, политическая система, религиозные обычаи и т. д. – и создал образ монархической страны с огромной территорией, многочисленным населением, развитой экономикой, совершенной системой, свободой верований, трудолюбивым и счастливым народом.

Россия в XVIII в. благодаря реформам Петра I начала процесс вестернизации и получила сильное западное влияние в политике, обществе и жизни. Европейские мыслители эпохи Просвещения стремясь продвинуть просвещенную монархию, рассматривали Восток как противостояние Западу, много говорили о китайской системе, и положительный образ Китая – нация мудрых императоров, добродетельных министров и разумных людей – доминировал в Европе. Образ Китая в России при Екатерине II «оказывает геополитические концепции европейских, в первую очередь – французских» [2, с. 70]. Знаменитый французский мыслитель эпохи Просвещения Вольтер высоко ценил и превозносил Конфуция и конфуцианство, оказав огромное влияние на русскую мысль и весь литературный мир. Русские ученые этого периода перевели с французского, английского и русского языков множество книг, связанных с Китаем: например, синолог А. Л. Леонтьев перевел на русский язык книгу по конфуцианству «Сы Шу Гей». Великий русский ученый, блестящий филолог и историк М. В. Ломоносов также высоко оценил в «Письме о пользе стекла» мастерство китайцев в изготовлении фарфора и был поражен тем, насколько фарфор привлекал Европу: *«Огромность тяжкую плода лишенных гор / Художеством своим преобратив в Фарфор, / Красой его к себе народы привлекают, / Что, плавая, морей свирепость презирают»* [3, с. 252–253]. Отсюда видно, что сформированный образ Китая в России XVIII в. был очень поверхностным (это была далекая чужая страна, ограниченная поверхностным пониманием), а не глубоким, и он занимал очень мало места в литературе или путевых заметках, зато появились положительные стереотипы о Китае («Конфуций», «добрый китайский император», «фарфор»).

В XIX в. общества Китая и России претерпели значительные изменения. После Опиумной войны 1840 г. Китай был вынужден открыть свои

двери и подписал ряд неравноправных договоров с Западом, постепенно превращаясь в полуколониальное и полуфеодальное общество. В этот же период в России обострились социальные конфликты по вопросу крепостного права. Чтобы отвлечься от социальных конфликтов, российские правители начали осуществлять внешнюю экспансию, а неудача в Крымской войне 1853–1856 гг. заставила их обратить внимание на Китай и начать аннексию и захват территорий вдоль реки Хэйлуцзян. После подписания Айгуньского, Тяньцзиньского и Тяньсиньского китайско-русских договоров контакты России с Китаем углубились, но вместе с тем изменилось и ее представление о Китае.

Первым из писателей XIX в., посвятивших много места в своем творчестве Китаю, был И. А. Гончаров. В составе русской экспедиции он побывал в самом сердце Китая и стал свидетелем восстания тайпинов. В своем путевом очерке «Фрегат Паллада» И. А. Гончаров дает полный, подробный и объективный отчет об увиденном в Гонконге и Шанхае, рисует яркую картину повседневной жизни китайского народа во всех ее проявлениях и красках. В его описании Китай – это как не идеализированный образ красоты, так и не мрачный контробраз.

А. П. Чехов также упоминает Китай и китайцев в книге «Остров Сахалин», но все это вскользь. Описываемый Чеховым Китай – больная страна, а китайцы – любители опиума, поэтому при упоминании о Китае в его голове возникает лишь мысль о грязной, больной стране без бодрости и надежды.

Таким образом, образ Китая в русской литературе XIX в. постепенно проявлялся и приобретал многогранный характер. Русские ученые по-разному относились к Китаю: одни под влиянием европоцентризма ставили Китай в полную противоположность Западной Европе, к которой стремилась Россия, считали Китай застойным, закрытым восточным царством, преувеличивали развращенность и отсталость китайского общества, а некоторые синологи и писатели полностью признавали древность китайской цивилизации и культуры.

В XX в., когда в Китае и России произошла смена режимов, частота и глубина контактов между двумя странами значительно возросли, и многие писатели отправились в Китай и записали увиденное и услышанное различными способами. Мы выбрали два травелога, написанные в схожие времена и по схожим маршрутам, но с совершенно разных точек зрения, чтобы исследовать русское сознание образа Китая 1920-х гг.

и культурную идентичность, лежащую в его основе.

Известный военачальник, журналист, поэт и романист Георгий Иванович Гончаренко (литературный псевдоним – Юрий Галич), совершивший в 1922 г. путешествие в Европу на корабле из Владивостока через Шанхай и Гонконг, позже записал свое путешествие в Китай в книге «Золотые корабли. Скитания», которая была опубликована в 1927 г.

К моменту посещения Юрием Галичем Китая эта страна все еще находилась в состоянии хаотического полуколониального и полуфеодального общества. Этот период был отмечен военачальничеством и социальными беспорядками, а многие территории, изначально принадлежавшие Китаю, были превращены в селтльменты, которые, по словам автора, *«один за другим в известной последовательности отрывались эти куски от китайского тела»* и составили *«государство в государстве»* [1, с. 249]. В этой трагедии автор не нашел причин для оправдания Запада, он четко указал, что именно западные державы воспользовались слабостью Китая в это время, чтобы жестоко разделить его, и Россия не стала исключением. Угнетение ведет к сопротивлению, а чрезмерная жадность Запада вызвала ненависть китайцев. Он утверждал, что Китай не останется надолго в застойном состоянии разделения и угнетения и что передовая интеллигенция начала пробуждаться и приходит к мысли о том, что *«приведет к страшному взрыву, к той грозе, первые раскаты которой уже доносятся самым явственным образом»* [Там же, с. 249–250].

Автор гуляет по улицам Шанхая и встречает самых разных китайцев. Его наблюдательность настолько дотошна, что он даже может отличить жителей севера от жителей юга. В прошлом западные люди любили называть азиатов желтыми, опасаясь «желтой опасности». Это произвольное заключение на самом деле неточно: действительно, азиатские страны исторически находятся в одном конфуцианском культурном круге, но у каждой страны есть свои национальные особенности. Автор тщательно исследует различия между китайцами и японцами с точки зрения характера. Он утверждает: *«Японец – воинственный, лукавый, скрытный хищник, народ-завоеватель, националист до мозга костей, непревзойденный подражатель, лишенный, в сущности, творческого размаха и глубины»*.

Китаец – мирный земледелец, купец и коммерсант, продукт своеобразной многовековой цивилизации, разносторонний, восприимчивый, одаренный творческой фантазией» [Там же, с. 247].

Кроме того, писатель не обходит стороной проблему неравенства между богатыми и бедными в Китае, где в шумных мегаполисах Шанхай, Гуанчжоу и Гонконга до сих пор можно встретить множество рабочих и нищих, едва способных прикрыть свое тело.

Значительную часть своей книги автор посвящает китайской культуре. По его мнению, Китай как традиционная страна с великими философами и уникальными ритуалами по-прежнему полон национального колорита, хотя его образ жизни меняется под влиянием Запада. В этом отношении понимание автора совпадает с мнением синологов прошлого. Юрий Галич рассматривает китайские иероглифы не просто как язык, а как целую философию великой мудрости. Китайский язык, быт, религия и литература также уникальны, а китайцы – народ, сильно отличающийся от русских: доблестный, терпеливый, честный и мудрый.

Несмотря на объективный подход автора к Китаю, в его описании встречаются некоторые традиционные предрассудки. Например, из-за того, что русские артисты не продвигались в Китае так хорошо, как должны были, писатель прямо заявляет, что *«искусство здесь не пользуется спросом»* [Там же, с. 251]. Однако если мы посмотрим на китайское общество в 1922 г., то там были западные державы, которые делили территории, разрушая присущую Китаю национальную идентичность, а внутри страны были военачальники и вожди, и народ не был счастлив. У китайского народа были более насущные проблемы, чем искусство. Это слишком произвольное суждение также отражает коллективное отсутствие правильного понимания китайского искусства в российском обществе. С одной стороны, русское искусство находится под сильным влиянием Запада и сильно отличается от китайского по выразительности и подтексту в музыке, танцах и живописи. Автор как созерцатель и создатель образа всегда сознательно и бессознательно привязан к своей собственной культуре и использует свою культуру в качестве точки отсчета для изучения иностранной культуры. С другой стороны, высокая культурная самодостаточность русских заставляет авторов смотреть на иностранные культуры сверху вниз, таким образом утверждая русскую культуру.

В целом же Китай под пером Юрия Галича – это позитивный образ Китая, без излишней фантазии и преувеличений. Писатель сыграл важную роль в понимании Китая советскими людьми. С точки зрения имагологии, образ чужой страны по мере углубления взаимодействия становится все более близким к реальности, а полный антаго-

низм между другим и собой все более размывается. Сам автор не смотрит на Китай с возвышенной позиции, а занимает объективную позицию и действительно понимает образ страны и стоящее за ним культурное наследие. Этот экзотический образ в определенной степени отражает и самосознание созерцателя, хотя в этом процессе он все равно неизбежно подвергается влиянию коллективных образов общества.

Для прояснения писательской стратегии Юрия Галича мы хотим сравнить его произведение с еще одним travelogue этого времени – «Китайской повестью» Б. Пильняка. Это дневниковый отчет о его путешествии по Китаю в начале 1920-х гг., который содержит образы военачальников Юань Шикая, Чжан Цзолина, Фэн Юйсяна и Сунь Чуаньфана, а также их отношения с СССР, Великобританией и США.

В отличие от объективности Юрия Галича, образ Китая под пером Б. Пильняка полон негатива и мрака. Сцена, которую автор описывает в самом начале, оставляет мрачное впечатление: *«В желтой воде, похожей на перепревший чай, около берега плывет труп китайца»* [4, с. 5]. Стоит отметить, что оба писателя путешествовали по Китаю в противоположных направлениях, но оба проезжали через города вдоль реки Янцзы, такие как Ханькоу, Шанхай и Нанкин. Однако, проезжая через эти города, Б. Пильняк не разглядывал их пристально, и в его глазах китайские районы были полны убожества, варварства, нищеты и отсталости, даже *«нет слов, чтобы передать грязь закоулков китайского бытия, убожества, нищенства»* [5, с. 74], в отличие от сеттльментов, которые представляли собой опрятность и цивилизацию. Он не считал, что сеттльменты – это неразумное существование в Китае, а наоборот, *«удивительно сумели англичане „вырезать“ своими ножницами „культуры“, выкроить из Китая – этот парк, эту музыку, – эту „Англию“!»* [Там же, с. 76]. Он считал, что на всех уровнях китайского общества царит хаос и беспорядок, и был не слишком высокого мнения об интеллектуальной молодежи, находящейся на стадии пробуждения: даже писал в саркастическом тоне, что такая молодежь будет только противостоять всему и в конце концов лишиться жизни, будучи арестованной полицией. Приехав в Пекин, он поговорил с одним синологом о Великой китайской стене и городских стенах, утверждая, что, хотя эти сооружения, безусловно, служили защитой от иностранного вторжения, они также полностью отрезали Китай от мира.

Очевидно, что автор свысока смотрел на страны, по которым путешествовал, и не был объективен, поскольку в своем изображении рас-

смаатриваемых стран он полностью попал под влияние западного евроцентризма и идеи «желтой опасности». Кажется, что автор отчаянно хочет сбежать из страны, полной негатива, но военачальники заставляют его: «Маманди – значит по-китайски – погоди, не торопись, не спеши, значит русское – сейчас» [4, с. 26]. Следует отметить, что мрачный тон «Китайской повести» контрастирует с изображением Японии в его книге «Корни японского солнца». Тон Б. Пильняка становится более мягким и лиричным при описании Японии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) в истории русской литературы и культуры Китай предстал в различных образах: загадочная и могущественная восточная страна, богатая фарфором, мудрый философ, мудрый монарх, просвещенная монархическая диктатура, застойная древняя восточная страна, «желтая опасность», русские писатели выбирали соответствующий образ Китая для интерпретации в соответствии с собственными или общественными вызовами;

2) русские писатели 1920-х гг. стремились к реалистическому изображению образа Китая, но все равно неизбежно находились под влиянием традиционных коллективных социальных представлений; Юрий Галич изображает относительно объективный и реалистичный образ Китая в приветливой манере, а его неодобрительное отношение к китайскому искусству отражает сильное чувство собственной культурной уверенности; в отличие от этого, образ Китая у Пильняка полностью негативен, что отражает влияние европейской мысли при изображении чужих стран.

С точки зрения имагологии, независимо от того, положительно или отрицательно относится субъект к «чужому» образу, его суть определяется через утверждение и дополнение «своей» культуры. И очевидно, что положительное отношение в большей степени способствует познанию реального Другого.

Список источников

1. Романенко А. Д. Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. 524 с
2. Лукин А. В. Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 70–88.
3. Ломоносов М. В. Избранные произведения. М.-Л: Советский писатель, 1965. 580 с.
4. Пильняк Б. А. Китайская повесть // Новый мир. 1927. № 6. С. 5–29.
5. Пильняк Б. А. Китайская повесть // Новый мир. 1927. № 8. С. 69–99.

References

1. Romanenko, A. D. (2008). *Kitai u russkikh pisatelei* [Russian Writers on China]. 524 p. Moscow, Algoritm. (In Russian)
2. Lukin, A. V. (2004). *Obraz Kitaya v rossiiskom obshchestvennom soznanii: preemstvennost' i evoliutsiya* [The Image of China in the Russian Public Consciousness: Continuity and Evolution]. Polis. Politicheskie issledovaniya. No. 6, pp. 70–88. (In Russian)
3. Lomonosov, M. V. (1965). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. 580 p. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
4. Pil'nyak, B. A. (1927). *Kitayskaya povest'* [A Chinese Story]. Novyi mir. No. 6, pp. 5–29. (In Russian)
5. Pil'nyak, B. A. (1927). *Kitayskaya povest'* [A Chinese Story]. Novyi mir. No. 8, pp. 69–99. (In Russian)

The article was submitted on 11.03.2024
Поступила в редакцию 11.03.2024

Афанасьев Антон Сергеевич,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
a.s.afanasyev@mail.ru

Чжу Синьжун,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhuxinrong77@163.com

Afanasev Anton Sergeevich,
Doctor of Philology,
Head of the Department,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
a.s.afanasyev@mail.ru

Zhu Xinrong,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhuxinrong77@163.com